

Лидия Карловна Туган-Барановская
(Давыдова)

Джордж Элиот. Ее жизнь и литературная деятельность



Лидия Туган-Барановская

**Джордж Элиот. Ее жизнь и
литературная деятельность**

Туган-Барановская Л. К.

Джордж Элиот. Ее жизнь и литературная деятельность /
Л. К. Туган-Барановская — «Public Domain»,

«...Жизнь Джордж Элиот не богата внешними событиями. Говорят, что счастливые народы не имеют истории, или, вернее, что их история неинтересна, а Джордж Элиот большую часть своей жизни была очень счастлива. Однообразие ее жизни, почти исключительно наполненной духовными, умственными интересами, особенно рельефно выступит перед нами, если мы сравним ее с жизнью другой знаменитой писательницы, Жорж Санд. Судьба Жорж Санд могла бы доставить обильный материал не для одного, но для нескольких романов: ей пришлось пережить все страдания неудачной семейной жизни и разрыва с мужем, у нее были многочисленные романические увлечения, и, наконец, она принимала довольно деятельное участие в политической жизни Франции, даже во время революции 1848 года редактировала одну социалистическую газету. У нее бывали периоды опьяняющего счастья, сменявшиеся периодами острого страдания и душевной пустоты, у Джордж Элиот не было ничего подобного: течение ее жизни было гораздо ровнее и спокойнее. Но если смотреть на жизнь не с точки зрения внешних событий, а со стороны ее внутреннего содержания, то нельзя будет не признать, что, несмотря на видимое однообразие, жизнь ее была чрезвычайно интересна и могла бы послужить прекрасной темой для психологического этюда...»

Содержание

Несколько вступительных слов	5
Глава I	7
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Л. К. Давыдова

Джордж Элиот. Ее жизнь и литературная деятельность

Несколько вступительных слов

Жизнь Джордж Элиот не богата внешними событиями. Говорят, что счастливые народы не имеют истории, или, вернее, что их история неинтересна, а Джордж Элиот большую часть своей жизни была очень счастлива. Однообразие ее жизни, почти исключительно наполненной духовными, умственными интересами, особенно рельефно выступит перед нами, если мы сравним ее с жизнью другой знаменитой писательницы, Жорж Санд. Судьба Жорж Санд могла бы доставить обильный материал не для одного, но для нескольких романов: ей пришлось пережить все страдания неудачной семейной жизни и разрыва с мужем, у нее были многочисленные романические увлечения, и, наконец, она принимала довольно деятельное участие в политической жизни Франции, даже во время революции 1848 года редактировала одну социалистическую газету. У нее бывали периоды опьяняющего счастья, сменявшиеся периодами острого страдания и душевной пустоты, у Джордж Элиот не было ничего подобного: течение ее жизни было гораздо ровнее и спокойнее. Но если смотреть на жизнь не с точки зрения внешних событий, а со стороны ее внутреннего содержания, то нельзя будет не признать, что, несмотря на видимое однообразие, жизнь ее была чрезвычайно интересна и могла бы послужить прекрасной темой для психологического этюда.

Самой характерной чертой Джордж Элиот как личности является ее удивительная серьезность. В дни ранней молодости, живя на ферме отца, будучи впоследствии одним из соредакторов «Westminster Review» в Лондоне и, наконец, сделавшись знаменитой писательницей, она поражает нас своим удивительно серьезным и глубоким отношением к жизни и к людям, своим жадным стремлением к знанию. Религиозные и философские вопросы были для нее не просто интересной пищей для ума: они волновали и мучили ее, она принимала их к сердцу так, как другие обыкновенно принимают к сердцу вопросы личной жизни. Чтение Штрауса, Спинозы или Конта было для нее целым событием.

Но, несмотря на свою страстную любовь к знанию и любовь к занятиям, Джордж Элиот совершенно не была тем, что обыкновенно называют «книжный человек». Она была очень привязчива и умела любить, что доказывается уже тем, что у нее было так много друзей, в особенности среди женщин. Письма ее к своим друзьям (например, миссис Конгрэв, мисс Геннель), писанные в то время, когда она уже достигла славы, дышат такой теплотой, такой искренностью и простотой, она так входит во все мелочные подробности их жизни и так ценит всякое проявление их симпатии к себе, что иногда трудно поверить, что это пишет знаменитая писательница к самым обыкновенным, незначительным людям. В ней не было и тени тщеславия или высокомерия. Она была очень добра и, помимо того интереса, который внушали ей люди как материал для психологических наблюдений, всегда принимала душевное участие в их судьбе; вследствие этого, по общему отзыву всех, знавших ее, общение с ней было так необыкновенно привлекательно. Говорят, что она удивительно умела успокоить, ободрить и утешить всякого, кто к ней обращался. Она была вполне хорошим человеком, и это чувствуется и в ее сочинениях. При всем внешнем однообразии и монотонности жизнь ее была полна самых разнообразных духовных интересов: наука, литература, музыка, живопись – все это составляло для нее предмет величайших наслаждений. Она страстно любила природу и, гуляя одна где-нибудь

в поле или даже в уединенных аллеях лондонского парка, переживала такие чудные минуты, какие доступны лишь очень немногим.

Приведем один очень точно характеризующий Джордж Элиот рассказ большой ее приятельницы, миссис Бодишан. Когда умер Льюис, она отправилась через некоторое время навестить Джордж Элиот, которой было тогда уже 60 лет и которая была страшно огорчена смертью любимого человека. Вот как она описывает свое впечатление от этого визита: «Я провела час с Мэри Анн, – пишет она в одном письме, – и не могу передать вам, до чего она была мила. Я совсем успокоилась насчет нее, хотя она страшно исхудала и выглядит какой-то тенью в своем длинном черном платье. Она говорила, что у нее страшно много дел и что она должна быть здоровой, потому что „жизнь так удивительно интересна“. Мы обе признались друг другу в нашей большой любви к жизни».

Эта-то любовь к жизни, сквозящая в каждой строчке ее произведений, и составляет главную причину того отрадного, примиряющего впечатления, которое оставляют в душе читателя все романы этой великой писательницы.

Глава I

Детство и первая молодость.

Мэри Анн Эванс, сделавшаяся впоследствии известной под именем Джордж Элиот, родилась в небольшом местечке Грифф, в Варвикшире. Отец ее, Роберт Эванс, происходил из бедной семьи и начал жизнь простым плотником; потом своим трудом и энергией он достиг того, что стал зажиточным фермером, пользующимся общим уважением соседей за свои обширные и разнообразные сведения по сельскому хозяйству. Это был мужественный, честный человек, который послужил впоследствии прототипом героя лучшего из романов своей дочери – «Адам Бид». Мать ее была очень добрая женщина, чрезвычайно любившая своих детей и мужа, и прекрасная хозяйка. В этой патриархальной, трудолюбивой семье, всецело погруженной в ежедневные хозяйственные заботы, росла и развивалась будущая писательница, и лучшие, наиболее художественные произведения ее, такие как «Адам Бид», «Мельница на Флоссе», «Сайлес Марнер», посвящены описанию этой, с детства знакомой ей, жизни английской деревни.

Кроме Мэри Анн у Эвансов было еще двое детей: дочь Кристина и сын Исаак. Кристина была гораздо старше сестры и держалась в стороне от младших детей, которые были необыкновенно дружны между собой.

Маленькая Мэри Анн совсем не была похожа на «феноменального ребенка»: это была живая, шаловливая девочка, не любившая сидеть на одном месте и всегда готовая на всякие проказы. Ей трудно было даже выучиться читать и писать, что, впрочем, происходило не от неспособности, а от ее чрезвычайной живости. Уже и в эти ранние годы в ней проявилась одна характерная черта, сохранившаяся в течение всей ее последующей жизни; говорю о ее необыкновенной привязчивости и страстном, ревнивом отношении к предмету своей привязанности. В детстве таким предметом был ее брат Исаак: описание Мэпи и Тома в «Мельнице на Флоссе» включает в себе много автобиографических подробностей. Девочка всегда, как праздника, ждала возвращения брата из школы по субботам, и, когда он приходил, она уже ни на шаг не отставала от него и старалась во всем подражать ему. Детям было раздолье на ферме с ее большим фруктовым садом, за которым протекала речка, изобиловавшая рыбой. Рыбная ловля была одним из любимых занятий маленькой Мэри Анн и ее брата.

Когда Мэри Анн было около восьми лет, в ее детской жизни произошел тяжелый кризис: брату ее подарили пони, и он так увлекся этой новой забавой, что стал пренебрежительно относиться к сестре и почти все свободное время посвящал своей лошадке. Холодность брата ужасно огорчала девочку и заставила ее уходить в себя. Вообще, по мере того как она становилась старше, характер ее менялся, и она делалась все задумчивее и серьезнее. Когда к отцу приходили по делам или вообще на ферме собирались гости, она обыкновенно забиралась куда-нибудь в угол и целыми часами неподвижно просиживала там, внимательно слушая, о чем разговаривают взрослые. Сама она пишет про себя впоследствии в письме к мисс Левис (1839): «Когда я была еще совсем маленьким ребенком, я никак не могла удовлетвориться тем, что происходит вокруг меня, и постоянно жила в каком-то особенном мире, созданном моим воображением. Я даже радовалась, что у меня не было никаких товарищей, так что на свободе могла предаваться своим мечтам и выдумывать всевозможные истории, в которых была главным действующим лицом. Можете себе представить, какую пищу доставляли таким мечтам разные романы, рано попавшие в мои руки».

К чтению она пристрастилась очень рано, но дома у нее было мало книг, и она от частого перечитывания все их знала почти наизусть. Любимыми книгами ее были басни Эзопа и «История чёрта» Дефо. Поступив же в пансион к мисс Велингтон в Ньюжантоне, она с жадностью набросилась на чтение и читала все, что ей попадалось в руки.

Одна из воспитательниц пансиона, мисс Левис, очень полюбила Мэри Анн; хорошие отношения между ними сохранились и по выходе девочки из пансиона, так что они часто переписывались. Она была очень религиозна и передала это чувство своей любимой ученице.

Мэри Анн училась очень хорошо, и когда она из Ньюжантонского пансиона перешла в пансион мисс Франклин в ближайшем городе Ковентри, то сделалась положительно предметом гордости своих учителей. Особенно хорошо она писала сочинения и занималась музыкой. Не по годам развитая, серьезная, молчаливая девочка держалась в стороне от подруг и ни с кем из них не сходилась. Подруги с невольным уважением относились к ней, сознавая, что она стоит гораздо выше их по уму и знаниям, но не любили ее, считали сухой и скучной. Одна из этих бывших подруг рассказывает, что весь класс был однажды чрезвычайно поражен, когда случайно узнал, что эта самая Мэри Анн Эванс, казавшаяся им такой холодной и недоступной, пишет сентиментальные стишки, в которых жалуется на одиночество, на неудовлетворенную жажду любви и так далее. Наружностью своей Мэри Анн отличалась от подруг так же, как и своими способностями и развитием. Она казалась гораздо старше своего возраста и в 12–13 лет выглядела настоящей маленькой женщиной. Рассказывают, что один господин, приехавший в пансион по какому-то делу, принял тринадцатилетнюю девочку за некую мисс Франклин, которая в то время была уже весьма почтенной старой девой.

Возвращаясь на праздники домой, Мэри Анн уже не предавалась, как прежде, разным детским шалостям и играм. Все это давно перестало занимать ее, и она тут, как и в школе, просиживала за книжкой целые дни и даже ночи, к большому неудовольствию своей матери, хозяйственное сердце которой не могло примириться с тем, что дочь ее тратит так много свечей, сидя за своими книгами. Впрочем, родители очень гордились своей умной и ученой дочерью, и ее успехи в пансионе были для них большой радостью. Они не жалели денег на ее образование и предоставляли ей полную свободу заниматься и читать сколько ей угодно. Девочка устроила воскресную школу на ферме отца и занималась там с крестьянскими детьми.

В 1855 году она закончила свое образование и вернулась домой, где ей пришлось всецело посвятить себя уходу за больной матерью, здоровье которой все ухудшалось. Летом этого же года мать умерла, а спустя некоторое время после смерти матери старшая дочь мистера Эванса вышла замуж, так что семнадцатилетняя Мэри Анн осталась единственной хозяйкой в доме отца.

Джордж Элиот была очень нехороша собой. «Небольшая, худенькая фигурка, с несоразмерно большой головой, болезненный цвет лица, довольно правильный, но несколько массивный для женского лица нос и большой рот с выдающимися вперед „английскими“ зубами», — описывает ее в своих воспоминаниях покойная Ковалевская, преподававшая математику в Стокгольмском университете и познакомившаяся с ней во время своего пребывания в Лондоне. Правда, Ковалевская прибавляет, что неприятное впечатление, производимое внешностью Джордж Элиот, исчезало, как только она начинала говорить, — такой у нее был чарующий голос и так обаятельна была вся ее личность. Она приводит далее слова Тургенева, этого известного ценителя и поклонника женской красоты, который говорил про Джордж Элиот: «Я знаю, что она дурна собой, но когда я с ней, я этого не вижу». Тургенев говорил также, что Джордж Элиот первой заставила его понять, что можно до безумия влюбиться в совершенно некрасивую женщину. Но дело в том, что и Тургенев, и Ковалевская познакомились с Мэри Анн в то время, когда она была уже на вершине своей литературной славы. Знаменитой писательнице все охотно прощали и болезненную худобу, и старообразный вид, и некрасивые черты лица и, несмотря на все это, находили ее обворожительной; но такого отношения, конечно, не было к дочери простого фермера, ничем еще себя не заявившей и отличавшейся только некрасивой наружностью и любовью к серьезным занятиям. Надо думать, что мужчины, с которыми ей приходилось сталкиваться в дни своей молодости, не разделяли восторженного мнения Тургенева о ее женской привлекательности. Элемент ухаживаний и влюбленности, игра-

ющий такую важную роль в жизни женщины, почти совсем отсутствовал в ее жизни – и это обстоятельство, разумеется, повлияло на становление ее характера.

Вернувшись из пансиона домой, мисс Эванс была вся проникнута евангелическими идеями, навеянными учительницей мисс Левис, и, поглощенная мыслями о Боге и спасении души, старалась подчинить жизнь аскетическим религиозным принципам. Будучи впервые в Лондоне с братом, она ни разу не была в театре, считая это грехом, и большую часть времени проводила в посещении лондонских церквей. В это первое пребывание в Лондоне самое сильное впечатление на нее произвел Гринвичский госпиталь и звон колоколов в церкви Св. Павла. У себя в деревне она вела очень деятельную жизнь, заведя всем домашним хозяйством на ферме, и, хотя это занятие было ей совсем не по душе, она, тем не менее, добросовестно исполняла все свои домашние обязанности и была отличной хозяйкой. Особенно много времени и труда у нее отнимало молочное хозяйство, и впоследствии, уже сделавшись знаменитой писательницей, Джордж Элиот с некоторой гордостью показывала одному из своих друзей, что одна из ее рук несколько шире другой, что было следствием усиленного сбивания масла, которым она занималась в молодости.

Она постоянно работала над своим образованием, продолжала изучать немецкий и итальянский языки и часть своего времени посвящала также филантропии. Но все это, конечно, не могло удовлетворить молодую девушку, полную жажды знания и умственных запросов, так что одинокая жизнь в заброшенной, отдаленной деревне казалась ей подчас нестерпимо скучной и однообразной. С братом она давно уже разошлась, их детская дружба сменилась простыми хорошими отношениями, основанными на родственной связи, а не на общности духовных интересов. Брат ее был человек совсем другого склада – дельный, практичный хозяин, любящий охоту, всякого рода спорт и вполне довольствующийся обществом соседних фермеров. Он не понимал интересов и стремлений сестры и посмеивался над ее религиозными увлечениями. Особенно нападал он на ее постоянное сидение за книгами и пренебрежительное отношение к своей внешности. По его мнению, она была совсем не такой, какой должна быть молодая девушка в ее годы. Сама она говорила про себя впоследствии: «Я имела тогда вид какой-то совы, что составляло обычный предмет негодования для моего брата». Отца она очень любила, но понятно, что старик фермер, проводивший всю свою жизнь в деревне, не мог быть настоящим товарищем для молодой девушки, изучающей классические языки и мучительно задумывающейся над вопросами о Боге и цели мироздания. Единственным человеком, которому мисс Эванс могла изливать свою душу, была ее бывшая учительница, мисс Левис, и по письмам к ней мы можем составить себе понятие о тогдашнем настроении молодой девушки. Из этих писем видно, что она усердно работала над своим образованием и занималась самыми разнообразными предметами; в них упоминается об истории, литературе, изучении латинских глаголов, о химии и энтомологии и, наконец, даже о философии. Но так как ее тогда интересовали главным образом вопросы религии, то она с особенным увлечением читала религиозные книги, например «Мысли» Паскаля, письма Ганны Мор, жизнеописание Умберфилда, «Подражание Христу» Фомы Кемпийского и другие. Глубокая вера в Бога и работа над своим нравственным совершенствованием – вот что составляло главное содержание ее духовной жизни в это время. Она была из тех глубоких, сосредоточенных в себе натур, в которых живет постоянное стремление к чему-то великому и вечному, лежащему за пределами явлений обыденной жизни, и в ранней молодости это мистическое стремление к бесконечности находило себе полное удовлетворение в религии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.